

18+

Валерий Касаткин

Ожидание свободы

Валерий Касаткин

Ожидание свободы. Роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39439322

ISBN 9785449384195

Аннотация

Действия романа «Ожидание свободы» охватывают период с 1917 по 2017 г. и описывают жизнь двух семей, испытавших на себе раскулачивание, ссылку, войну, видевших ужасы еврейского гетто и сохранивших в себе честь, достоинство, гордость и доброту. В основу романа положены реальные события.

Содержание

Глава первая	6
1	6
3	18
4	23
5	26
6	28
7	34
8	38
Глава вторая	45
1	45
2	51
3	55
4	58
5	63
6	67
Глава третья	70
1	70
2	74
3	78
4	82
5	84
6	87
7	92

Ожидание свободы

Роман

Валерий Касаткин

Редактор Валерий Алексеевич Касаткин

© Валерий Касаткин, 2020

ISBN 978-5-4493-8419-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Действия романа «Ожидание свободы» охватывают период с 1917 г. по 2017 г. и описывают жизнь двух семей, испытавших на себе раскулачивание, ссылку, войну и сохранившие в себе честь достоинство, гордость и доброту. Действия романа основаны на реальных событиях.

Глава первая

1

Бог не обидел эти места, но и не дал им чего-то необычного, исключительного. Здесь был стандартный набор условий для нормальной жизни людей, как и во многих подобных местечках необъятной Российской Империи. Среди полей и холмистых берегов петляла богатая рыбой речка, берущая начало из живописного озера, смешанный лес с многочисленными его обитателями то клином, то полосками, а то и вовсе сплошным массивом вплотную подходил к поселениям людей, украшая землю, на которой они жили. Сама же земля по плодородию была пригодна для земледелия, а значит и для скотоводства. По божественному распределению в эти места попало в основном три народа в равных долях — белорусы, евреи и русские, которые жили между собой дружно. Но поскольку евреи редко заглядывали в стакан с водкой, а всё больше заботились о приумножении богатства, работая в своих собственных лавках, мастерских, на заводиках, беспокоясь о благополучии своих семей, то всем казалось, что представителей этой национальности больше, чем других, и это воспринималось как должное. Никто на них особо не обижался и зла не держал, мудро считая, что каждому

предначертан свой путь в жизни. Проживали в этих местах и зажиточные белорусы, и русские, которые в основном занимались земледелием и разведением скота. Эти люди тоже мало пили и много работали, привлекая в помощники более бедных сородичей, которые не смогли из-за ограниченных умственных способностей, неправильной организации своей жизни, злоупотребления алкоголем, лени занять более достойное положение в обществе. Такие люди трудились на других и довольствовались тем, что им хватало на хлеб, воду и водку. Эта прослойка населения порождала больше преступников, завистников, подлецов. Бог, возможно, наблюдая за человеческим родом на Земле, думал: людям он дал условия, возможности для жизни, развития, вложил в их головы, душу, кровь заповеди:

Господь, Бог твой... Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим.

Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли.

Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно, ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно.

Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле.

Не убивай.

Не прелюбодействуй.

Не кради.

Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего.

Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего; ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего.

«Но почему, – возможно думал Бог, – многие свято чтят эти заповеди, а кто-то игнорирует путеводные правила жизни. Очевидно, люди сами создали себе такие условия, при которых возникновение подлости, зависти, предательства, доноительства неизбежно».

Недовольство жизнью, зависть к более богатым и успешным действительно витали в этих местах. Обнищавшие люди, в основном, крестьяне жаловались друг другу на судьбу и ругали своих хозяев за их жадность, требовательность и за стремление жить лучше. А лучше жилось здесь зажиточным крестьянам, владеющим большими земельными наделами, и евреям, нашедшим себе пристанище в посёлке с многовековой историей, который принадлежал древней витебской земле и находился на восточной её окраине. Из двух тысяч душ, проживающих в этом поселении, половина были евреи, пришедшие в эти места несколько сот лет назад. Жили они, в основном, в центре и занимались молочными, мясными, кожевенными, столярными, скобяными делами, шили одежду и обувь, пекли хлеб и баранки и, конечно, торговали своей продукцией. В посёлке было много торговых лавок и магазинчиков. Пятница и воскресенье являлись базар-

ными днями. В эти дни со всей округи съезжались крестьяне, чтобы что-то продать, что-то купить и, конечно же, зайти помолиться в церковь. На базаре также заключались сделки по продаже льна и льносемени. Торговали здесь и лошадьми. В основном этим занимались цыгане.

Была в посёлке и еврейская синагога, а также корчма, принадлежащая еврею, мужчине средних лет Михе Дыбкину, у которого была жена и две несовершеннолетние дочери. В связи с войной, которую Российская Империя вела с Германией, и борьбой с пьянством, объявленной царём по всей стране, продажа спиртных напитков в корчме еврея тоже была запрещена, и заведение, по сути дела, превратилось в постоялый двор. Особо страждущие могли здесь приобрести бутылку «гарэлки», то есть самогонки, но тайно. Спиртным бизнесом по секретной договорённости с Дыбкиным занимался его работник, обслуживающий корчму. «Гарэлка» приносила хорошие деньги, и Дыбкин, хоть сам отрицательно относился к пьянству, от прибыльного дела отказываться не собирался. Денег хватало и на благоустройство прилегающей территории. Двор перед корчмой был выложен камнем, отчего здесь, в отличие от других мест в посёлке, не было грязи. Конечно, Дыбкин видел и понимал, какой вред приносит землякам его тайное дело. На его глазах многие мужчины, семьи которых еле сводили концы с концами, пропивали последние гроши. Жёны таких горе-мужиков, чтобы прокормить своих детей, становились попрошай-

ками. И однажды Миха не сдержался и высказался о вреде пьянства.

2

Стоял тихий январский вечер 1917 года. Посёлок, близлежащие деревеньки, хутора, припорошенные снегом, излучали мир и спокойствие. Снег маскировал и крестьянскую нищету. Неказистые домики с покосившимися соломенными крышами зимой не казались такими убогими жилищами, как осенью. Еврейские же дома с металлическими крышами, приукрашенные снегом, на фоне крестьянских изб выглядели дворцами. Из окон некоторых из них струился свет от керосиновых ламп, а из труб кверху поднимался дым, говорящий о том, что за их стенами теплится неплохая жизнь. В одном из таких домов и жил с семьёй Дыбкин, которого все звали не Миха, а Миша.

Было семь часов вечера. Миша, согласно заведённому режиму, перед сном вышел на улицу, чтобы прогуляться и заодно проверить своё заведение, которое находилось в ста метрах от его дома. Быстрым шагом по узкой улочке, а потом через площадь, мимо Троицкой каменной церкви и четырехклассного училища он дошёл до корчмы и, остановившись возле входной двери, прислушался. Внутри помещения двое мужчин разговаривали на повышенных тонах. В одном из них он по голосу сразу узнал Стёпку Новикова по кличке

Гулька, который языком работал лучше, чем руками и ногами. Было мужику тридцать пять лет, и жил он в ветхом доме в деревне с женой и тремя детьми, двое из которых были мальчишки. Отца его забрали в армию, откуда тот не вернулся, а мать рано умерла от тифа. Остались Гульке по наследству домишко и кусок земли, который почти ничего не родил из-за плохого ухода за ним. Выращенной картошки и овса хватало на малое время. Поэтому Стёпке с неохотой, но приходилось подрабатывать у крепко стоящего на земле белоруса, сорокадвухлетнего мужика Конькова Филиппа Павловича, который занимался любимым делом и мечтой всей своей жизни – разведением породистых лошадей.

До дома Гульки от корчмы была ровно верста, и Стёпка частенько по вечерам преодолевал это расстояние, чтобы выпить «гарэлки» за свои деньги, а вот закусить старался за чужой счёт, используя для этого природой данное красноречие и хорошо подвешенный язык. Кроме этого, Новиков умел читать и писать и даже за свою полугультайскую жизнь прочитал несколько книг.

Дыбкин, стоя под дверью, услышал удар чем-то по столу, не выдержал и вошёл внутрь приёмного помещения, и сразу же в его носу защекотало от едкого запаха табачного дыма, глаза заслезились. Миша прокашлялся и, подойдя к двум посетителям, сидящим за деревянным столом, помахал рукой, разгоняя дым.

– Здорово, мужики! Мне можно дополнительно сэконо-

мить денежки на том, что самому не надо тратить их на курево. Для этого достаточно заглянуть сюда – и я уже одурманен. Вот и сейчас у меня уже голова закружилась от дыма.

– Значит, выходит, ты на нас дополнительно сэкономишь, а следовательно, ты нам должен делать проставку за счёт заведения, – Стёпка мутными глазами посмотрел на Дыбкина и скривился в улыбке, обнажив, как ни странно, ровные целые зубы.

– Слушай, парень, а ты случайно не еврэй? – Миша смачно выделил последний слог «рэй».

– Может, я и хотел бы им быть, но у меня душа другая. Она у меня требует простора, полёта. Но я пока зажат в тиски между двумя эксплуататорами – тобой, Дыбкин, и коневодом Коньковым. Правда, у тебя моя душа отдыхает, но ты забираешь у меня время и убиваешь желание вырваться из алкогольного дурмана, – Степан помахал указательным пальцем перед глазами еврея.

– Прежде всего, как тебе известно, я «гарэлкой» не торгую. Это делать запрещено. Кроме этого я не отрицаю вред от алкоголя для сознания и здоровья людей. Но ты ведь иногда бываешь трезвый. И прежде чем пойти искать дурман для головы, посмотри на своих голодных детей, посчитай гроши в кармане, посмотри на зарастающую бурьяном свою землю и подумай, стоит ли тебе идти в посёлок за версту от дома, чтобы твоя душа улетела в нереальный мир. Ты ведь знаешь, что оттуда она каждый раз возвращается с ещё боль-

шим количеством ран, которые всё труднее и труднее затягиваются. И, поверь мне, ни я, ни Коньков не эксплуататоры. Мы хорошо делаем свою работу, предначертанную судьбой. Я умею делать деньги и их считать. Конькову Бог послал любовь к лошадям. И он, находясь в равных с тобой условиях, смог воплотить свою мечту в жизнь. Тебе, я вижу, Бог послал неплохие мозги. Отрезви их и заставь работать на себя, а не против себя.

– Ошибаешься, еврей. Мы не в равных условиях. Это вы веками с подачи государства одурманиваете народ алкоголем. Я тебе могу напомнить время, когда тысячи русских людей подняли бунт против спаивания народа. Тогда восстание было жестоко подавлено. Тысячи людей, которые захотели жить трезво, были отправлены на каторгу. Тогда евреям, у которых пострадали питейные заведения, компенсировали ущерб, а людей снова заставили пить, а если кто не пил, должен был заплатить за не выпитую норму, установленную государством сумму. Так кто меня алкоголиком сделал ещё в утробе матери? Правда, теперь до царя дошло, что с пьяным народом процветания государства не достигнуть. Но пьянство одним указом не искоренишь. Больной народ нашёл лазейки и стал гнать «гарэлку». И я бы гнал, если бы было из чего. Вот и приходится идти сюда, чтобы подлечить душу.

Дыбкин расплылся в улыбке.

– Но я повторяю, что каждый человек волен выбирать

свой путь с алкоголем или без. Мне, конечно, выгодны такие, как ты, но я в душе, пусть даже и еврейской, против алкоголизма.

– Ладно, господин Дыбкин, налей-ка нам с крестьянином Петром по чарке «гарэлки», и тебе это зачтётся. Всем уже известно, что творится в государстве. Грядут великие перемены. Тут недавно ходили по нашим местам люди и говорили, что скоро власть ваша кончится. Землю отдадут народу, как и всё остальное, – Стёпка провел непослушной рукой по кругу.

Миша продолжал дружелюбно улыбаться.

– Поверь мне, скоро моя корчма снова заработает в полную силу. Власти нужны будут деньги и люди, которые их могут считать. Я уверен, что хоть у меня её и заберут, то всё равно оставят её управлять, поскольку других претендентов не найдётся. Ты не обижайся, Стёпа, если, допустим, тебя поставят надзирать за питейным заведением, то сам знаешь, что получится. А насчёт чарки это не ко мне.

– Ну и хитрый же ты, еврей. Но ты нас не бойся, мы тебя никогда не сдадим, – Степан кольцами выпустил табачный дым изо рта.

– Ладно, так уж и быть. Порадовал ты меня, Степан, сегодня своей рассудительностью. Тебе бы подучиться и ум прояснить от алкоголя, тогда бы ты смог добиться успехов в жизни, – Дыбкин махнул рукой своему работнику. Через минуту на столе оказалось два стакана с мутной жидкостью и тарел-

ка с двумя большими солёными огурцами, – смотрите не замёрзните в сугробе, когда поползёте обратно домой.

Стёпка стукнул себя кулаком в грудь.

– Чтобы отключить наши мозги и ноги, надо выпить ещё три раза по столько. Но спасибо и за это. И буду откровенным: скоро завяжу с твоим болотом. Кое-какие люди возлагают на меня надежды.

Еврей Дыбкин, выйдя из корчмы, подумал: надо с этим Гулькой дружить. Началось смутное время. И неизвестно, кто из этой мути выберется на коне, а кто заблудится в мутных водах предстоящих потрясений. Степан Новиков, у которого на правой руке нет трёх пальцев и который по этой причине освобождён от винтовки, возможно, обретёт себя в новой жизни в новом качестве. Но он, Дыбкин, как подсказывала ему интуиция и кое-какие вести, долетавшие на окраину Российской Империи из Петрограда, должен остаться на плаву. Утонуть ему не дадут высоко парящие евреи, которые придут к власти с помощью таких, как Новиковы, и ещё более обнищавших крестьян, рабочих и батраков, многие из которых вдобавок ко всему безбожно пьют. Дыбкин шёл по хрустящему снегу мимо еврейских домов и благодарил судьбу, что он нашёл своё место в жизни и что может прокормить свою семью, вырастить своих прекрасных девочек и дать им достойное образование. Вместе с тем он понимал, что остальной народ живёт в нищете, на грани выживания. Особенно это касалось крестьянства, которое было обделе-

но землёй и обложено непомерными поборами. Положение ухудшала война, которую страна вела с Германией. Обездоленный народ когда-то должен взорваться. Миша содрогнулся от выстрелившей в висок мысли: а ведь такое время настало!

Новиков, выпив стакан «гарэлки» и прислушавшись к своему организму, понял, что на сегодня достаточно. Он распрощался с Петром, положил огурец в карман тулупа, туда же засунул недоеденный другом кусок хлеба и вышел в темноту. Посёлок уже спал. Стояла мёртвая тишина. Стёпа поплёлся в свою деревню по санному следу, темнеющему на белом снегу. Проходя мимо еврейского дома, он подумал: «Спите-спите, жидаы, пока спокойно, скоро вам будет не до сна. Поджарю я вас на сковородке на вашем же топлёном масле. Хотя зачем я так думаю? Без жидов нам не прожить. Пусть они и жадные, но последние штаны с нас не снимают и даже в трудную минуту помогают. Ладно, пусть живут, особенно этот Дыбкин, у которого даже душа есть, похожая на мою. Но вот другие эксплуататоры, берегись! Хотя опять же, взять Конькова. Этот мужик тоже пусть живёт. На Новый год надарил нам и еды, и одежды, и даже денег дал. Но кого же тогда казнить? А казнить надо государство, которое довело его до такого состояния. Но он не дурак. Завтра он бросит пить, покажет этому главному эксплуататору фигу и скажет ему: хватит издеваться над людьми! Людям нужна

другая власть, справедливая и заботящаяся о своём народе».

Через некоторое время Гулька вошёл в свою низенькую холодную халупу, в которой имелись печка, стол, лавка и две сбитые из досок кровати и, не раздеваясь, лёг на соломенный тюфяк под бок уже спящей жены.

В то время, когда Новиков по душам разговаривал с Дыбкиным, рослый жилистый мужик Коньков Филипп Павлович, которого природа наделила очень яркими голубыми глазами, русыми с рыжим отливом волосами и прямым носом на слегка продолговатом приятном лице, завершал рабочий день на своей конюшне. Перед уходом домой он погладил каждого коня по морде и заглянул каждому в глаза.

– Вам грех жаловаться на жизнь. Вы, мои любимые, накормлены, напоены, помыты, причёсаны. Для зимовки и ночлега вам созданы хорошие условия. Вашей задачей остаётся лишь одно – приносить здоровое потомство.

Пять кобыл, пять жеребцов, предназначенных на продажу, три жеребёнка, два жеребца-производителя, один из которых был в юном возрасте, преданно смотрели на хозяина и в знак любви к нему кивали головами. Филипп ещё раз посмотрел на своих любимцев и пошёл домой. Было семь часов вечера. Жена Елизавета, круглолицая, светловолосая женщина с живыми голубыми глазами, суежилась возле вытопленной русской печки, доставая оттуда сваренный в мундирах картофель. К приходу мужа на деревянном столе уже стояла сковородка с жареным луком и глиняная кружка с молоком, рядом лежал ржаной хлеб. Сын Василий, долговязый шестнадцатилетний парень, уже поужинав, сидел на лавке

возле керосиновой лампы, подвешенной к потолку, и читал своим двум младшим братикам десяти и восьми лет детский журнал «Задушевное слово», один экземпляр которого был привезён отцом из Петрограда. Рядом с детьми лежала книга по географии, которую Вася уже зачитал до дыр, мечтая стать путешественником.

Филипп, сняв тулуп, шапку и рукавицы и повесив их возле тёплой печки, вздохнул:

– Две кобылы вот-вот должны жеребиться. Сейчас поужинаю и пойду караулить.

– А можно мне посмотреть? – Вася отложил журнал на лавку.

Младшие, Павлик и Ваня, завизжав от радости, подбежали к отцу и тоже стали его просить взять их с собой. Филипп добродушно улыбнулся в густые усы.

– Я вас позову, когда появятся жеребята. А до этого кобылам не надо мешать. Если уснёте, я вас разбужу.

– Меня, чур, не будить, – Лиза села за стол рядом с мужем, – я уже насмотрелась на это явление и лучше посплю.

– Я сам справлюсь. Да там-то и справляться нечего. Кобылы сами всё сделают. Я лишь потом подстилку сменю, – хозяин семейства достал из чугунка картофелину и, положив её в сковородку с луком, стал разминать вместе с кожурой, – из Петрограда доходят тревожные вести. В связи с этим нам надо подумать о своём будущем.

Лиза в испуге посмотрела на мужа:

– Нам что-либо угрожает?

– Пока – нет, но любая война, смута чреваты плохими последствиями. Нам надо быть готовыми к ним. Я тут подумал и решил, что нужно дом твоих родителей, который находится в деревне, подремонтировать и подготовить, в случае чего, для твоего переезда в него, Лиза, с детьми. А я останусь здесь один до лучших времён. На прошлой неделе я разговаривал с земским участковым начальником, который меня проинформировал, что в Петрограде уже в открытую готовится восстание под лозунгами свержения монархии, национализации земли и частных предприятий, а царь не принимает никаких серьёзных мер. У нас десять десятин земли, породистые лошади, свой хутор. Что с этим будет, когда к власти придут революционеры? Не знаю.

– Ты у нас, Филипп, умный, разбираешься в политике, одно время сельским старостой был. Народ тебе доверил эту должность, поэтому тебе лучше знать, что делать в складывающейся обстановке, а я от этого далека. Моя жизнь посвящена тебе и детям.

– Спасибо тебе, Лиза, за любовь и верность мне, а я тебя люблю и сделаю всё возможное, чтобы вас обошла беда. Ладно, пойду в конюшню. А вы, мужики, быстро спать, если хотите посмотреть, как жеребята первый раз будут становиться на ноги и сосать вымя своих мам.

Когда дети залезли на достаточно вместительную лежанку на печке, а жена улеглась на деревянную кровать за занавесью,

веской, Филипп вышел из дома в морозный звёздный вечер, прихватив с собой керосиновую лампу. В безмолвном воздухе изредка раздавалось фыркание лошадей и шуршание сена. Коньков набрал охапку ольховых дров и вошёл в конюшню, в которой было оборудовано два родильных отделения, более утеплённых и имеющих небольшую печку. Подвесив лампу на жердину, он разжёг очаг и уселся на солому. Когда пламя заплясало по стене, Филипп задул лампу и подумал: очевидно, скоро огонь запылает по всему российскому государству. Народ, особенно крестьяне, доведённые до нищеты и голода, соберутся в толпы и сожгут всё на своём пути. Достанется и ему. Люди не любят зажиточных и успешных. Хотя он всегда старался помочь обездоленным куском хлеба, деньгами. Но спасти людей от нищеты не мог. Это должно было делать государство, но оно этого не делало, а наоборот, ещё больше ухудшало положение крестьян, забирая последние крохи. Коньков помнил голодные годы, когда люди, доведённые до отчаяния, покидали свои места и уходили куда глаза глядят в поисках еды. Многие тогда умерли от голода. В то же самое время государство, выполняя договоры перед иностранными государствами с целью получения валютной выручки, вывозило зерно за границу, что вело к обогащению только определённой части дворянства. Денег этих, конечно, крестьянство не видело. Основная их часть проматывалась элитой в той же Германии, с которой теперь ведётся война. Коньков знал это и понимал, что так долго продол-

жаться не может. Он вдруг вздрогнул и реально осознал, что время для взрыва настало. Теперь его задача – спасти семью. Размышления Филиппа прервали тяжёлые вздохи кобыл.

Через час в соломе на полу по удивительному стечению обстоятельств появились два жеребёнка. Коньков зажёл лампу и вошёл в дом, чтобы разбудить детей.

Утром Елизавета, поднявшись первой, перекрестилась на икону и улыбнулась.

– Василий, хватит спать, бока от грубки заболят.

Парень закричал на печке:

– Сейчас ещё минутку полежу, мама, и спущусь, а ты пока приготовь ведро, платок и деньги.

– У меня всё готово. Ладно, полежи ещё чуток. По времени Захаровы только начали дойку, и они знают, что ты должен к ним приехать за парным молоком.

Через некоторое время парень, закутанный в тулуп до пят, ехал на другой хутор, который находился на крутом берегу реки в двух верстах от его дома, и радовался жизни, мечтая о дальних странствиях. Смуты, бунты и революции его пока не волновали и не пугали.

4

Утром Новиков проснулся от громкой суеты жены возле печки. Он сел на кровати и тряхнул головой.

– Что ты каждое утро попусту гремишь пустой посудой? От этого еды не добавится.

– А от твоих пьянок добавится? – Маша поджала губы.

– Цыц, женщина, давно вожжами не получала? – Степан посмотрел на жену всё ещё мутными глазами, но заметив на её щеках слёзы, добавил: – Ладно, успокойся и прости. Голова раскалывается от жидовской дармовой водки. С сегодняшнего дня я постараюсь завязать с пьянками. Сейчас немного прочухаюсь и пойду на работу к Конькову.

Маша повеселела.

– Я не зря гремлю. Вон на столе стоит суп из засушенной лебеды с картошкой. Кроме этого я в посёлке раздобыла кусок пирога с капустой и хлебные корки.

– Опять попрошайничеством занималась? Чтоб это было в последний раз!

– А чем детей кормить?

– Я коньковскую зарплату пропивать не буду. До лета как-нибудь дотянем, а там легче будет. Кстати, вот огурец и хлеб, отдай их детям.

– Ты хоть пару ложек супа съел бы.

Степан махнул рукой.

– Обойдусь водой. Пусть дети наедятся вволю. А я пошёл к Конькову. У него много работы, за которую он платит неплохо.

Маша скрестила руки на груди.

– Я всё хотела тебя спросить: а чем конкретно ты на конюшне занимаешься?

– У меня очень ответственная работа. Я чищу скребницей и щёткой кожу коней, вычёсываю их гривы и хвосты, протираю шерсть, выгуливаю коней, убираю навоз. Кормит и поит их сам хозяин с сыном Василием.

– А сколько ему лет?

– Кому?

– Васе.

– Кажется, шестнадцать. А что? – задвигал бровями Степан.

– А нашей Тонечке пятнадцать.

– Ты очумела, мать? Выбрось эти мысли из головы. Кто они и кто мы?

– Всякое в жизни бывает.

– Забудь. Ладно, я пошёл. А ты коня покорми и напои, и чтобы в посёлок больше без меня ни ногой. В противном случае уж точно вспомню про вожжи.

Степан шёл на хутор, поскрипывая снегом, и думал: сегодня в кабак он точно не пойдёт. Алкогольную болезнь как-нибудь перетерпит, залив её водой. А завтра у него появятся ясные мысли, и он подумает, как жить дальше. Хотя кое-

кто в Петрограде за него уже подумал, и там рассчитывают на таких, как он. И он их поддержит.

Впереди показалась резвая кобыла, запряженная в сани с завитушками. Когда Степан поравнялся с ними, из саней раздался голос Васи:

– Здравствуйте, дядя Стёпа. Хорошего вам дня! А Тоня прочитала книгу, которую я ей дал?

Дядя Стёпа опешил от такого вопроса:

– Э-э-э, какую книгу? Когда?

– Ладно, дядя Стёпа, пока, – парень хлопнул вожжами по крутым бокам кобылы и захихикал.

Новиков, придя в себя, подумал: надо точно с пьянками завязывать. А то пропустит самые интересные моменты в жизни, которая несмотря ни на что, продолжается. И жена, очевидно, не зря про Васю и Тоню начала говорить. Что-то тут затевается. Но главное, чтобы эта затея привела к лучшему. Степан, довольный, хмыкнул под холодный нос и ускорил шаг.

Вася полулежал в санях на душистом сене, пребывая в хорошем настроении. На восточном небосклоне обозначилась еле заметная светлая полоска. «Солнце уже где-то рядом, – подумал парень, – оно отдало своё тепло, энергию, свет другим людям и теперь спешит на его землю, чтобы здесь пробудить жизнь и вдохновить людей на полезные дела. Он обязательно сегодня тоже сделает что-то полезное: поможет родителям по хозяйству, почитает книгу по географии и обязательно прокатит Тоню на санях по своим полям, покрытых чистым, искристым снегом» Парень улыбнулся и легонько ударил кобылу по её тёплым бокам, от которых шёл еле заметный пар. Конькова-младшего распирало чувство гордости за себя. Он верил в свою значимость на земле и причислял себя к настоящим мужчинам.

Через некоторое время, привязав лошадь возле плетня из лозы и кинув ей под морду охапку сена, Вася с ведром вошёл в дом Захаровых и поздоровался. Навстречу ему вышла женщина невысокого роста, лицо которой светилось от доброты:

– Василёк, ты как раз вовремя. Давай ведро, я перелью в него парное молоко и завяжу платком. Оно уже процежено и готово к употреблению. Вернёшься домой, напомни родителям, что мы ждём вас всех у нас. Пост закончился, и на-

чался колядный праздник.

– Спасибо, тётя Вера. Обязательно передам. А где Семён?

– А он с отцом у коров прибирается.

– Передайте ему, что я с ним после обеда встречусь. Надо будет колядные гуляния обсудить.

– Понимаю, наряды, гадание и всё прочее. Без них праздник не получится.

– Надо подумать, кого выбрать Щодрой.

– Сложный вопрос. В деревне много красивых девушек. А моя красавица ещё мала для этой роли.

– Есть одна на примете, но о ней потом, а сейчас мне надо ехать.

– Поезжай, Вася, родители, небось, тебя уж заждались.

На восточном горизонте светлая полоска расширилась и стала более яркой. Сумерки уже не были такими густыми. Вася уселся в сани, сказал «но» и под скрипучую снежную песню, что лилась из-под полозьев и копыт лошади, стал думать о Тоне. Он считал, что только эта девушка достойна, быть Щодрой – святой, лик которой с огромными голубыми печальными глазами постоянно волновал его. Изящная ху-доба девушки казалась неземной и таинственной, вызывающей тайные желания. Вася подхлестнул кобылу, желая хоть как-то ускорить встречу с необычной девушкой.

Хутор Захаровых находился между деревней и посёлком и занимал земли, лежащие по левой стороне реки. Этой земли хватало, чтобы прокормить десять коров и семью, состоящую из хозяина, Захарова Кондрата, его жены Веры и троих детей – Семёна, Анны и Миши. Двадцатилетний Семён был старшим и уже в полную силу помогал родителям по хозяйству. По национальности Захаровы были русскими, но об этом без надобности никому не говорили. Кондрат поддерживал хорошие отношения с евреями, проживающими в посёлке, не только из-за совместных коммерческих дел, а просто так, обладая общительным и добродушным характером. Дружил он и с двумя поляками, предки которых поселились в этих местах ещё в давние времена. Но единственным другом Кондрата был белорус Филипп Коньков. Вот с ним-то он мог и чарку выпить, и раскрыть свою душу. Друзья обсуждали и политические процессы, происходящие в стране, и своё положение в свете последних событий, понимая, что оно может оказаться незавидным.

Кондрат вышел из хлева и, посмотрев на восток, закрутил фитиль керосиновой лампы, чтобы она погасла. Следом из тёмного коровника вынырнул Семён, который как две капли воды походил на своего отца – такой же коренастый, жилистый и с правильными чертами лица.

– Батя, мы молоко сразу в посёлок повезём или сначала позавтракаем?

– Я думаю, приятнее будет предаться трапезе после поездки, но ты можешь перекусить и сейчас.

Семён похлопал себя рукой по животу.

– Я вчера вечером после окончания постных дней так наелся, что в животе у меня будет ещё долго полно. А сегодня должны приехать Коньковы с угощениями. Так что я придержусь до общего стола. Кроме этого вечером пойдём колядовать по деревне. В общем, к нам пришёл праздник души и живота.

– Надо матери сказать, чтобы угощений и подарков наготовила побольше. К нам ведь в первую очередь компании будут заглядывать. Ладно, пошли в дом, немного погреемся, а потом развезём молоко. Начнём как всегда с маслосырзавода, а закончим еврейскими домами.

– Ты иди, отец, а я поговорю со Стрелковыми. Я их просил подождать.

Кондрат с прищуром посмотрел на сына:

– Я вижу, ты к ним равнодушен, особенно к голубоглазой девочке с чёрной косой.

Парень не смутился под взглядом отца:

– А как тут быть равнодушным, когда Стрелкова Галина одна, без мужа, семь дочек старается прокормить, одеть, обусть и ещё грамоте обучить?

– Мы их и так не обижаем, работу всегда даём, хорошо

за неё платим. После каждой дойки коров они всегда часть молока себе оставляют.

– Это так. Но я хотел бы с твоего согласия помочь, как ты говоришь, голубоглазой Клаве получить более достойное образование. Она очень умная, ловкая и к тому же красивая девочка, которая в скором времени превратится в прекрасный цветок. И я этот цветок не хочу никому отдавать. Я буду ей вместо брата.

– Откровенно, сын. Но я одобряю твои прекрасные стремления. Иди, поговори со Стрелковыми.

Галя и её девятилетняя дочь Клавдия стояли на дороге за сеновалом, прижавшись друг к другу. Семен, подойдя к ним, улыбнулся.

– Простите меня ради Бога, что заставил вас ждать на морозе.

– Мы не замёрзли, нас греет интерес в связи с твоей просьбой задержаться, – Галя освободила девочку из своих объятий.

– Чтобы вас не морозить слишком долго, скажу прямо, тётя Галя: я хочу заботиться о Клаве и стать для неё вместо брата.

– Вот так поворот судьбы! Ты слышишь, доча, что этот шустрый юноша тебе предлагает?

Клава перебросила свою длинную черную косу из-за спины на грудь и, ничего не ответив, лишь улыбнулась.

Галя опять обняла девочку.

– Чего молчишь? Сегодня, может быть, твоя судьба решается. Я – женщина опытная и знаю, что говорю.

Клава, теребя косу, хихикнула:

– Коль Бог не дал мне родного брата, то я не против стать сестричкой Семёну.

Галя отпустила дочку из объятий и воскликнула:

– Ну, идите же и пожмите друг другу руки!

Семён нежно взял маленькие худенькие ручки девочки в свои большие руки.

– Теперь мы – брат и сестра, до тех пор, пока ты не вырастешь.

– А что потом? – Клава посмотрела принцу в глаза.

– А потом будет так, как повелит нам Бог, и как подскажут наши сердца.

– Мудрые слова ты сейчас сказал, Семён. Поэтому я тебе доверяю свою девочку, дружите, растите, и я уверена, что у вас будет всё хорошо. Мы не прощаемся, поскольку вернёмся к обеденной дойке.

– У меня вопрос к тебе, Клава. Как ты такими маленькими ручками доишь коров?

– Я сильная и цепкая, вот, смотри, – девочка с силой сжала руку парня.

– Ого, ты уже вполне можешь за себя постоять. Не завидуешь тому, кто тебя обидит. Но таких, я уверен, теперь вообще не предвидится, поскольку я с сегодняшнего дня становлюсь твоим рыцарем и буду защищать тебя от всех

невзгод. Всё, я побежал в дом. Пора везти молоко в посёлок.

Отец с сыном вернулись из посёлка домой, когда зимнее солнце уже висело над лесом, окрашивая небосвод в жёлтый с розовым оттенком цвета. Хозяйка дома, поставив на стол жбан с молоком, кружки и положив рядом только что вынутый из печки каравай хлеба, с еле заметным напряжением посмотрела на мужа.

– Как съездили?

– Наш товар, слава Богу, – Кондрат перекрестился на икону, – пользуется спросом.

Вера поджала губы.

– Не волнуйся мать, Миша наш жив и невредим, кланяется нам.

Женщина перекрестилась.

– Слава Богу. Где же наш Мишенька? Чем занимается?

Дыбкин в субботу был в Витебске и гостил у своего друга. Тот тоже держал что-то наподобие ресторана. Вечером Дыбкин заглянул в заведение друга и встретил там нашего сына. Он играл перед посетителями на скрипке моего деда. Кстати, она очень дорогая, поскольку её делал сам Страдивари. На скрипке есть его знак. Но это не главное. А главное то, что как потом узнал Дыбкин, Миша участвует в собраниях меньшевиков и очень резко выступает против большевиков.

– Господи, политика до добра не доводит. Тебе надо срочно ехать в город и самому с ним поговорить. Пусть возвращается домой. Непокойное время лучше пересидеть в де-

ревне.

– Я об этом думал. Как только с отёлами коров разберусь, так сразу и поеду.

– Зря мы тогда с ним так строго разговаривали. Коль он хочет стать музыкантом, пусть им будет. А коровами есть кому заниматься. Вон Семён ни на шаг от тебя не отстаёт, еще нам помогают две семьи, они хоть и бедные, но добросовестные и добрые люди.

– Я сто раз уже пожалел, что тогда выставил его из дома. Но я ведь его не прогонял из семьи. Я обязательно с ним поговорю. А теперь ещё раз хочу сказать о делах наших насущных: нам следует увеличить торговлю своей молочной продукцией на базаре в посёлке по пятницам и воскресеньям. Поэтому к следующему базарному дню надо больше взбить масла и расфасовать его по фунтам. Маслом торговать выгоднее, чем молоком.

Солнце, которое ползло на запад по северному небосклону далеко от зенита, казалось Васе ослабленным. Через толщу холодного воздуха его тепло не могло проникнуть на землю. Парень подставил светилу свои порозовевшие щёки и, не почувствовав тепла, сказал:

– Тоня, несмотря на то, что твои щёчки бледные, ты всегда являешься моим солнышком, которое согревает душу.

Тоня печально улыбнулась и, посмотрев на небо, чуть слышно произнесла:

– Скоро моя душа будет где-то там, возле тёплого ласкового солнышка наблюдать за земной жизнью.

– Тоня, что с тобой? Ты раньше такой печальной не была. И почему ты говоришь о своей душе на небе?

– Она туда просится, а я её пока не пускаю. Мне хорошо с тобой здесь.

– Ты думаешь о смерти?

– Смерти нет. Мне вчера подружка приснилась, которая умерла в прошлом году. Так вот она мне сказала, что ей на небесах очень хорошо, тепло, и есть ей там не хочется. Она звала меня к себе, – девушка снова посмотрела на небо своими огромными грустными глазами, – а я пообещала прилететь к ней.

– Во сне можешь слетать туда, но только не наяву. Я без

тебя не смогу жить. И как же можно оставить вот эту красоту, что нас окружает, наше поле, на котором мы сейчас стоим?

– Я буду наблюдать за ним сверху, а ты всегда сюда приходи и смотри на небо, и наши души будут встречаться, – девушка поёжилась, – Вася, у меня руки замёрзли.

Парень быстро спохватился, спрятал Тонины худенькие маленькие ручки в свой тулуп, прижав их к груди своими горячими ладонями. Девушка улыбнулась и прикоснулась ледяными губами к щеке парня, а потом прошептала:

– Сегодня я буду гадать. Интересно, что мне выпадет?

Вася прикоснулся к губам девушки и поцеловал её по-настоящему.

– В день Щедрницы ты будешь Щодрой. Так решили все деревенские, поскольку тебе нет равных по красоте и уму.

– Спасибо. Это для меня большая честь. Постараюсь до этого дня не улететь на небо.

– Тоня, я сделаю всё возможное, чтобы ты не испытывала никаких трудностей. Давай прямо сейчас заедем ко мне, я возьму дров, еды и устроим у тебя в доме праздник.

Тоня смутилась:

– Мне стыдно приглашать тебя в дом из-за нашей нищеты. И как на это посмотрят мои мама и папа?

Парень улыбнулся:

– Скоро всё изменится к лучшему. Я уже говорил со своими родителями. В общем, Тоня, жди сватов, потому что я

тебя очень люблю и хочу, чтобы ты стала моей женой.

От этих слов Васи смертельно бледные щёки девушки порозовели. Она уткнулась лицом в грудь парня и заплакала.

– Это я от счастья. Я тебя, Вася, тоже очень люблю. И буду тебе верной и преданной женой.

Коньков Василий хлестнул вожжами по кобыле. Та встрепнулась и понесла сани со счастливыми влюблёнными по ровному белоснежному полю в загадочное будущее.

А потом вечером и ночью молодежь, переодетая в цыган, медведей, с песнями и танцами ходила по улицам деревни, прославляя хозяев домов. После колядования девушки гадали на будущее.

Праздник продолжился и в день Щедрицы. Тоня, счастливая, с румяными щеками, с венком на голове и с лентами на груди шла впереди деревенской молодёжи под звёздным небом навстречу своей судьбе. Рядом с ней шёл Василий, мечтающий о ее скорых страстных объятиях в роли своей будущей жены. Над всей округой летели слова песни: «Щедрый вечер, добрый вечер».

Бог, возможно, наблюдавший с небес за происходящим праздником, думал, что в этом месте, несмотря на нищету, голод и смерти, люди счастливы и радуются жизни.

Через два дня после праздника Тоня улетела на небеса к подружке, а перед этим она предстала пред Богом и выслушала слова благодарности от него за свою чистую непорочную жизнь, получив разрешение видеть с высоты свои род-

ные места и любимого парня Василия, которому в душе давно стала женой.

После похорон Тони её мать подошла к Васе, стоявшему у могилы любимой девушки, и взяла его за руку.

– Перед смертью доченька мне прошептала, что она всегда будет ждать тебя на вашем поле, а в ночь гадания ей привиделось облако.

У парня по щекам потекли слёзы.

Захаровы всей семьёй в полном составе почти целую неделю перед базарным днём, подменяя друг друга, сбивали масло при помощи двух специальных приспособлений, сделанных из дерева. Чтобы масло получилось высокого качества и с большим выходом, Кондрат сам лично контролировал необходимую для этого процесса температуру сметаны. А его жена Вера аккуратно закладывала в определённые формы, в которых получались брикеты, равные фунту, уже готовое масло. Последней стадией производства продукции была упаковка в вощёную бумагу. Этим приятным и не менее ответственным делом занимались дети. Кроме этого, к продаже готовили творог, который помещался под пресс для отжима. Сыворотка от него, также предназначенная для реализации, сливалась в большой бидон. Между молочными делами в пакеты раскладывались яйца по десять штук в каждый, и шматкам сала придавался товарный вид. В четверг вечером всё это было сложено в корзины, коробки и сумки. В обязательном порядке нашлось в них место и для нескольких головок сыра собственного изготовления.

В пятницу рано утром на двух лошадях, запряжённых в специально оборудованные сани, команда во главе с Кондратом, состоящая из его сына Семёна и Гали Стрелковой с дочерью Клавой, прибыла в посёлок на базарную пло-

щадь. Солнце ещё было где-то далеко за чертой горизонта, но на площади уже стояла людская суета. Торговцы со всей округи всё подъезжали и подъезжали. Были экипажи и из близлежащих районов, и из самого Витебска. Вскоре стали появляться и первые покупатели. На дворе было градусов десять мороза. Но людей это не останавливало. Базар в этих местах был делом святым и должен был состояться в любую погоду. Кондрат, поместив команду в стратегически удобном месте и окинув взглядом площадь, подсвеченную керосиновыми лампами продавцов, распорядился:

– Семён, ты остаёшься старшим. Как продавать товар, вас учить не надо. Кричите громче, завлекая покупателя. В этот раз можете использовать такую, например, фразу: «Сегодня в порядке исключения продукция Захарова продаётся дёшево. Однако качество её намного выше обычного. Для первых покупателей предусмотрена ещё и дополнительная скидка».

Семён улыбнулся, а потом захихикал:

– Батя, а ты не переборщил со скидками?

– Сегодня сделаем скидки, а в воскресенье вернём потери. Если хорошо сработаете, выделю вам денег на шоколадные конфеты, пряники и на всё то, чего ваши души пожелают. Клаве отдельно куплю тёплые зимние сапожки. Всё, работайте. А я пока прогуляюсь по площади, посмотрю, кто чем торгует. Да, чуть не забыл: ориентировочно за фунт масла можно просить пятьдесят копеек, за десяток яиц – десять копеек. Но смотрите сами, всё будет зависеть от настроения

покупателей.

Захаров, в сумерках заметив на другой стороне площади знакомую личность с необычным товаром, прямым ходом направился туда. Подойдя к человеку, Кондрат усмехнулся.

– Шалом, Миха! Ма шламаха?

Дыбкин улыбнулся.

– Тов, тода. Вэата.

Захаров пожал руку еврею.

– Спасибо, дела тоже хороши.

Миша погладил морду коня.

– Удивительно слушать еврейскую речь из уст русского.

– А что тут удивительного, если ваша речь звучит со всех сторон. Хочешь-не хочешь, а научишься говорить по-еврейски.

– Главное то, что мы уже четыреста лет живём в этих местах дружно, помогая друг другу в разных делах.

– Это правда. Здесь белорусы, русские, евреи, поляки служат прекрасным примером добрососедства и взаимопомощи. Но меня сегодня интересует другой вопрос: как ты, мар Дыбкин, оказался рядом с этой лошадьё?

– Не с лошадьё, а с клячей, которая в базарный день и гроша ломаного не стоит, – неожиданно появившийся Филипп Коньков пожал сначала руку Кондрату, а потом Мише.

Дыбкин хмыкнул.

– Этой кобыле цены нет. Она молодая и породистая, а что бока впалые и рёбра видны, так это дело поправимое. В хо-

роших руках лошадка быстро приобретёт породистую осанку.

– Удивляюсь я тебе, Миша, что ты такому специалисту в конном деле, как я, мозги пудришь. А что с тебя взять: еврей есть еврей. Забрось тебя на Луну, ты и там таким окажешься. Ладно, говори, сколько за неё хочешь?

– Учитывая наши дружеские отношения и исключительно из уважения, так уж и быть, продам за пятьдесят рублей.

Филипп усмехнулся.

– Ого, что-то от такой цены я стал сомневаться в нашей дружбе. Повторяю, это кляча. Её даже за пятнадцать рублей на колбасу не возьмут. Но я, как друг тебе, даю двадцать рублей и быстро увожу лошадь в тёплую конюшню на откорм. Но вот боюсь, что не доведу, бедное животное может по дороге сдохнуть.

– Если я тебе продам за двадцать, и об этом узнают другие евреи, меня поднимут на смех.

– Ладно, даю двадцать пять рублей чисто из жалости к животному, и ни одна еврейская душа о цене лошади не узнает. Точнее, мы всем скажем, что ты мне продал почти труп за сорок рублей. Это подтвердит и Кондрат.

Захаров стоял возле лошади, поглаживал её и еле сдерживал смех.

– Я могу сказать и за пятьдесят.

Дыбкин хмыкнул.

– «За пятьдесят» говорить не будем. Не поверят. Ладно,

давай двадцать шесть рублей и забирай элитного коня.

– По рукам, – Филипп отсчитал деньги, передал их Дыбкину и взял коня под уздцы. Теперь, мар Миха, расскажи-ка нам, как к тебе попало это бедное животное?

– Я расскажу, но пусть это тоже останется между нами. Неделю назад ко мне пришёл цыган Вася и попросил денег в долг, оставив в залог коня до этой пятницы. Мы договорились, что если он не возвращает мне деньги до четверга, то кобыла остаётся в моей собственности навсегда. Как видите, деньги цыган не вернул, вот я с этой бедолагой и оказался на базарной площади, поскольку кормить мне её нечем. Своему коню корма хватило бы.

– Сдаётся мне, лошадка имеет тёмное прошлое. Про сумму долга я уж спрашивать не буду. Знаю одно: ты, Миша, в проигрыше не остался, – Филипп погладил кобылу по острому хребту, – пошли, Милка, буду тебя откармливать.

Лошадь, почувствовав ласку в словах нового хозяина, преданно посмотрела на него и, боднув его головой, потянула Конькова с площади подальше от людей.

Кондрат, сказав Мише «шалом», догнал Филиппа и покачал головой.

– Зачем тебе эта рухлядь?

– Она на самом деле породистая, и после двух месяцев хорошего ухода ты её не узнаешь, а продам я её кому следует не за двадцать пять рублей, а за сто. А сегодняшнюю сделку

надо отметить. У меня есть медовуха. Пошли к моим саням.

– Я сейчас схожу, посмотрю, как мои там торгуют, и подойду.

Базар набирал силу. Вся площадь была уже полностью занята торговцами и покупателями. Солнце на горизонте выбросило первый холодный луч, и базар ещё больше оживился. Кондрат издали услышал голоса Гали и Семёна, которые по очереди кричали: «Сыры, масло, сметана, молоко, творог. Всё очень высокого качества, но только сегодня по самым низким ценам!». Захаров, подойдя к своей команде и увидев возле неё очередь из нескольких покупателей, удовлетворённо улыбнулся и сам быстро обслужил двух клиентов, продав им масло и сало. Потом Кондрат погладил Клаву по головке и улыбнулся.

– Молодец, девочка, на сапожки ты себе уже заработала. Теперь на очереди конфеты. Но я тебе в любом случае их куплю, как и пряники.

Когда солнце достигло середины неба, базар стал затихать. Люди, продавцы и покупатели, зарядившись положительной энергией от общения между собой, от шуток, прибауток и смеха, оставшись довольными жизнью, стали разъезжаться по домам. Впереди был февраль, а потом октябрь 1917 года. Людей ждали великие потрясения, замешанные на крови, страданиях и горе. Но базарная площадь в посёлке, несмотря ни на что, по пятницам и воскресеньям продолжала жить своей базарной жизнью, давая людям душевный

ОТДЫХ.

Глава вторая

1

В доме Захаровых был праздник по случаю окончания Семёном земледельческого института, а Мишей – Витебской народной консерватории, и возвращения их домой. Всё семейство сидело за большим столом, накрытым белой скатертью и заставленным всевозможными блюдами. Было на столе и вино. Миша, слегка захмелевший, радостно улыбался:

– Не знаю, как для вас, а для меня двадцать третий год, возможно, станет переломным в судьбе. Я собираюсь уехать за границу и там сделать карьеру музыканта. Там другой масштаб и большие деньги. И, скажу откровенно, мне с большими деньгами не по пути. Заведут они страну туда, куда не надо.

Мать всплеснула руками:

– Разве тебе плохо здесь живётся? Ты здесь получил хорошее образование, играешь в ресторане, имеешь за это неплохие деньги, что даже смог нашей Аннушке купить пианино.

– Советской власти я не верю. И вы её остерегайтесь. Настанет время, когда она вас обдерёт до ниточки, и это в лучшем случае. Не доведи господь до этого, – парень перекрестился, а следом за ним перекрестились и все остальные, – может, всё обойдётся. Но мне умные люди говорили, что та-

кие, как вы, являетесь классовыми врагами нынешней власти с вытекающими отсюда последствиями. Насчёт заграницы я не принял окончательного решения. У меня с друзьями ещё здесь много неоконченных дел.

Отец сделал глоток вина.

– Неужели нынешней власти мы не понадобится? У нас ведь есть огромный опыт в животноводстве, земледелии, мы по мере возможности используем передовые технологии, кормим людей, в казну отдаём приличные деньги. Семён, вот, успешно закончил институт, чтобы добиться ещё лучших результатов.

Миша печально улыбнулся:

– Эх, отец, наивные вы люди, потому что живёте в глуши, не чувствуя накала борьбы за власть. Коммунисты и зажиточные единоличные крестьяне – это несовместимые понятия.

Семён, промочив горло вином, крутанул головой:

– Со мной учились коммунисты. Ничего плохого про них сказать не могу, как и про их лозунги о равноправии, о бесплатной учёбе, медицинской помощи, о земле и о многом другом, что направлено на улучшение жизни, прежде всего, простого народа.

– Вот именно, а нас на свалку. Здесь, брат мой, политика будет играть главную роль. Ты в глазах коммунистов – эксплуататор беднейшей части крестьянства, за счёт которого и живёшь припеваючи.

Семён выбросил вперёд руки.

– Но неужели власть не видит, что я работаю больше тех же наёмных людей и не только руками, но и головой?

– Это, брат, не ко мне вопросы. А вообще, поживем- увидим и не будем сегодня спорить о политике, давайте лучше попросим Аню сыграть нам на пианино, – Миша нежно посмотрел на сестру.

Девушке было пятнадцать лет, но из-за маленького роста и больших бездонных глаз, обладающих какой-то колдовской силой, она была похожа на куколку. Аня улыбнулась и нежно посмотрела на дорогих ей людей, которые замерли от её взгляда:

– Я консерваторий не заканчивала, как ты меня, Миша, научил, так и сыграю.

– Я тебе подыграю на гармошке, – Семён подхватился и сходил в другую комнату за инструментом.

– В таком случае я что-нибудь изобразу на гусях, – сказал отец.

– А я на балалайке, поскольку скрипку оставил в городе, – Миша сделал очередной глоток вина.

Через некоторое время над хутором зазвучала прекрасная волнующая музыка, как отражение прекрасных чувств и помыслов семьи Захаровых.

На следующий день в пять часов утра Семён зашёл в коровник и услышал со всех сторон знакомые, с детства ласкающие душу звуки «дзинь, дзинь, дзинь, дзинь», образующи-

еся от соприкосновения струй молока и дойки. Присмотревшись, парень увидел, как Галя со своими подростками и похорошевшими дочками доили коров. Клавдию он сразу узнал по косе, которую девушка уложила на колени, чтобы не испачкать о земляной пол. Семён стоял тихо и боялся пошевелиться. Он любовался красавицей Клавдией, её изящной фигурой, ловкими движениями рук, и его душа наполнилась огромным чувством любви к этому хрупкому прекрасному созданию небес.

Вдруг Клавдия резко обернулась, посмотрела на парня своими огромными глазами и улыбнулась:

– Насмотрелся, братик, на меня? Что скажешь? Может, я уже выросла из состояния сестры?

– Э... ммм...

– Ты что, корова? Что ты мычишь? – девушка прыснула от смеха. Засмеялась и Галя с остальным своим потомством. Поддержала их и одна из коров, которая замычала так, что у всех уши заложило.

– Скажу честно, глядя на вас, таких красивых, я сделал вывод, что девушки созревают раньше, чем мальчики.

– Я надеюсь, что ты уже тоже созрел для семейной жизни и доблестных мужских дел, – Галя протянула Семёну ведро с парным молоком, – попей целебного эликсира, и тебе захочется ещё больше сотворить полезного.

– Уважаемая тётя Галя, а не позволите ли мне поговорить наедине сами знаете, с кем? – парень приложился к ведру

с парным молоком.

Видя, что Семён сильно увлёкся, Галя воскликнула:

– Э, достаточно, а то с непривычки может стать плохо. Забирай Клаву, и ступайте, говорите.

Молодые люди вышли на тропинку, ведущую на крутой берег реки. В низинах стелился утренний туман, из деревни доносились звуки от битья кос, кое-где лаяли собаки и мычали коровы, просясь в поле. Семён взял Клаву за руку.

– Мне ещё рано говорить о своих чувствах к тебе, но знай, что они прекрасны, как прекрасна наша земля с речкой, туманом, изумрудной росой, соловьиными трелями, с берёзками, которые похожи на тебя. Этим летом мы начнём строительство дома для меня и для будущей хозяйки. Ты ещё девочка и многих вещей не понимаешь, твои чувства ещё не окрепли и не проверены временем. Вот когда ты убедишься, что ты любишь того человека, с кем хочешь связать свою судьбу, тогда мы обсудим и наше будущее.

– Милый Семён, в деревне девушки взрослеют быстро, и, учитывая, что время быстротечно, не стоит надолго откладывать разговор о нашей судьбе. Я уже давно поняла, что моя судьба неразделима с твоей. Семён, я люблю тебя не как брата, а как настоящего мужчину, который доказал делами свою преданность мне. Ты красивый, добрый, сильный, нежный. Я каждый день думаю о тебе, ты часто снишься мне по ночам. И как, по-твоему, это называется?

– Я это знаю по себе – к нам пришла любовь. Но я поражён

твоими взрослыми мыслями, Клава.

– Я же тебе сказала, что деревенские девочки взрослеют раньше обычного. Я понимаю, что мне ещё рано под венец, но я подожду. Какие мои годы!

– Клава, я перед тобой преклоняюсь, и мне не остаётся выбора, как сказать, что я очень люблю тебя и мечтаю о том времени, когда ты войдёшь в мой дом полноправной хозяйкой.

– Ну, вот и поговорили, братик, и теперь я со спокойной душой пойду продолжать помогать маме.

Туман над рекой стал редеть. Совсем скоро солнце принесёт на прекрасную белорусскую землю очередной день, наполненный трудом, заботами и суетой. Люди впереди увидели признаки счастья. Шёл 1923 год.

2

Тем временем на хуторе Коньковых жизнь тоже шла своим чередом. Василий со своими возмужавшими братьями только что объехал молодого жеребца и теперь ёжился, охал и смеялся под струёй холодной колодезной воды, которую лила из ковша на его шею и спину жена-красавица черно-волосая Ульяна. Возле ног ползал первый очаровательный плод их любви, годовалая Евдокия. Василий напрягся:

– А теперь вылей-ка на меня целое ведро.

Ульяна засмеялась и окатила мужа прозрачной обжигающей водой, а потом накинула на него длинное льняное полотенце с собственноручными вышивками.

– Спасибо, Ульянушка, от твоих процедур и нежных ручек я молодею. Ты приготовь что-нибудь на стол, а я прогуляюсь.

– Ты опять пойдёшь на то поле и будешь смотреть на небо? Уже столько лет прошло после смерти Тони, а ты её никак не забудешь.

– Ты не обижайся и не ревнуй. Тоня теперь для меня, как Бог. Она нам приносит счастье.

– А можно я с тобой схожу?

Вася засуетился.

– Конечно, любовь моя. Я только буду рад этому и в таком случае запрягу лошадь, чтобы прокатиться с ветерком.

Ульяна радостно помахала рукой свёкру и свекрови, выходящим из дома:

– Дедуля и бабуля, присмотрите за малышкой, пока мы прогуляемся.

– С Богом, нам с Дусей понянчиться только в радость, – сказала бабушка.

Через некоторое время Вася и Ульяна, оказавшись в центре обширного скошенного поля возле копны сена, спрыгнули с телеги и посмотрели на небо. Среди сплошных облаков они увидели яркий лучистый просвет. Вася обнял жену.

– Тоня даёт своё согласие на нашу любовь и желает нам счастья, и пусть она сейчас убедится, что мы любим друг друга, – парень натаскал сена из стожка и постелил его на земле.

Ульяна легла на душистую постель любви и раскинула руки.

– Нам пора родить второго ребёночка. Я к этому готова. И пусть его зачатие произойдёт здесь.

– Любимая жёнушка, я благодарен Богу и Тоне, что они мне послали тебя. Пусть наши души в порыве любви долетят до небес и встретятся там с душой непорочной девушки, которая не познала настоящей мужской ласки, и пусть она почувствует в себе проникновение нашей любви, – Вася нежно обнял Ульяну и стал покрывать её страстными поцелуями.

– Если будет девочка, мы назовём её Антониной, и я теперь верю, что ты со мной, – Ульяна всем телом и душой бросилась в объятия любви и страсти.

Домой молодые Коньковы возвращались через деревню. Выезжая на дорогу, ведущую в посёлок, они встретили Новикова Степана, который на брочке колесил по округе, решая земельные вопросы.

– Здорово, голубки, – Степан натянул вожжи, и конь остановился, – знаю, вы с поля. Спасибо тебе, Вася, что не забываешь мою любимую доченьку. Неземным человеком она была, вот Бог и призвал её к себе. И тебе, Ульяна, спасибо, что не терзаешь из-за этого своего мужа.

– Я, побывав сейчас на том поле, почувствовала, что Тоня благословила нас на совместную счастливую жизнь, – Ульяна прижалась к мужу.

– И я вам желаю только счастья. В этой связи я хотел бы кое-что тебе, Вася, сказать. Давай немного пройдемся, – Степан легко соскочил с брочки и медленно пошёл по дороге.

Василий догнал председателя поселкового Совета.

– Что-то серьёзное, дядя Стёпа?

– Я смотрю, Вася, ты стал настоящим хозяином. Поэтому я решил сначала поговорить с тобой, а потом уж с твоим отцом. Я не зря занимаю должность председателя поссовета, поэтому кое-что знаю. Так вот, рано или поздно новая экономическая политика, которая по сути дела вернула капитализм в страну, закончится. Из всех щелей уже повылазили торгаши, буржуйчики, другая нечистая сила, которая стала угрожать Советской власти. Народ, не скрою, стал жить лучше, более независимо от государства, но в этом-то и кроется

угроза молодой советской стране. Поэтому, очевидно, скоро будут приняты новые законы, направленные на смену курса в экономической политике. И, как ты понимаешь, вновь возмутся за деревню, где проживает восемьдесят процентов населения. По меркам государства вы – кулаки с вытекающими из этого всеми последствиями. В этой связи я не как должностное лицо, а как друг вашей семьи, советую вам задуматься о своём будущем.

– А что мы можем сделать для него?

– Прежде всего, тебе с семьёй и твоим братьям с матерью надо отделиться от хутора и переселиться в деревню. Постройте себе дома в ней. Что касается отца, если он не захочет расстаться с конями, то пусть живёт на хуторе и молит Бога, чтобы беда его обошла стороной. Об этом я поговорю с ним отдельно. Всё, Вася, у меня нет больше времени для разговора, который, как ты понимаешь, должен остаться между нами, – Степан Новиков бывший Гулька легко запрыгнул в бричку, и конь, почувствовав силу и уверенность своего хозяина, резво рванул с места.

Новиков, подъехав к известному в посёлке заведению, натянул вожжи, и лошадь остановилась как вкопанная. Председатель поселкового Совета, посмотрев на вывеску, покачал головой, хмыкнул и вошёл внутрь деревянного здания. Навстречу ему вышел Миша Дыбкин и протянул руку. Степан её пожал:

– Как был ты, Миша, «евреем», так им и остался. Только ещё хитрее стал. Это ж надо было такое придумать и назвать своё заведение «Чайная». Мне даже стало смешно от этого. А чай-то у тебя есть?

– Для нужных посетителей есть с сахаром и бесплатно, для тех, кто попроще, чай без сахара, но тоже бесплатно.

– Что ни говори, можешь ты завлечь клиентов в свою пивнушку. Но я, в отличие от других, ограничусь только чайком, и без сахара.

– На всякий случай могу предложить хорошего виноградного вина.

– Ты что испытываешь меня? Ты же знаешь, что я уже около шести лет спиртного в рот не беру.

– А не скучно так жить?

– Мне скучать некогда. Из сотни моих обязанностей я назову тебе лишь несколько. Это охрана революционного порядка, учёт всех земельных работ, борьба с неграмотностью

и с преступностью, особенно с самогоноварением, – Степан строго посмотрел на Мишу, – кстати, как у тебя обстоят дела с «гарэлкой»?

Дыбкин заулыбался во всё лицо.

– Это в прошлом. Теперь в связи с отменой сухого закона в ней необходимость отпала.

– Это не означает, что опять можно спаивать народ. Коммунистическая партия во главе с Владимиром Ильичом Лениным и с такими, как я, на местах продолжает вести непримиримую борьбу с пьянством. Учти это на будущее, Миша. И не будем вспоминать моё прошлое, – Степан нахмурил брови.

– А что стесняться его? Все мы не без греха.

– То было тёмное прошлое. Сейчас мы строим светлое будущее под руководством Коммунистической партии, членом которой я являюсь.

– Степан Николаевич, пользуясь случаем, хотел бы проинформировать вас о своих планах по улучшению жизни людей в посёлке.

– Ну и хитрец же ты, Дыбкин. Прежде всего ты думаешь о своей выгоде, а потом о людях.

– Без людей и мне нет выгоды.

– Ладно, говори о своих проектах.

– Торговля, как ты знаешь, в нашем посёлке разрозненная. Почти каждый еврей чем-то торгует. В этой связи я хочу построить большой магазин и продавать в нём не только

продукты питания, но и одежду с обувью, и гвозди, и керосин, и хомуты, и другие полезные для крестьян вещи.

– Хм, дело стоящее. Но как на это посмотрят твои братья-евреи?

– Я им предложу выгодные условия сотрудничества, от которых они не откажутся. Ну и, конечно, рассчитываю на поддержку любимой советской власти в вашем лице, Степан Николаевич.

– Сладко ты поёшь, Михаил. Но твой проект я поддержу. Кстати, у меня к тебе личный вопрос:

– Твои дочери красавицами стали, и мой пацан начал серьёзно заглядываться на одну из них. Я ему объяснил о бесперспективности дела, поскольку знаю об отношении евреев к смешанным бракам.

– Ты прав, Степан, мы ревностно соблюдаем свои традиции и заповедь Бога о приближённости нашей нации к нему. Мы не хотим смешанными браками разрушить еврейскую семью, пустив в неё чужую кровь.

– Национальные традиции мы уважаем, как и самобытность любого народа. На этом разговор закончим. Спасибо за чай. Когда будет готов проект магазина и его обоснование, приходи в поссовет. Там мы вместе попробуем подыскать хорошее место для хорошего дела.

4

Миша Захаров отложил возвращение в Витебск на два дня, поскольку влюбился без памяти в красавицу Адолию Курилович из деревни, расположенной на другом берегу реки. Девушка была дочерью польского шляхтича, который на белорусской земле превратился в зажиточного крестьянина, владеющего пятью десятинами земли. Адолию Миша знал с детских лет и даже играл вместе с ней, когда родители приезжали друг к другу в гости. Но потом парень уехал в город, а вернувшись однажды в родные места и повстречав польку, чуть не задохнулся, восторгаясь её красотой и обаянием.

Вечером, когда солнце ещё высоко висело над горизонтом, влюблённый, прихватив с собой гармошку, сел в пролётку и покатил через посёлок, где имелся мост через речку, на встречу с возлюбленной, хотя не был уверен, соизволят ли панночка встретиться с ним. На всём пути движения парень играл на инструменте и пел песни, вызывая любопытство жителей деревни и посёлка. Прибыв к дому Адолии, Миша затянул романс о любви, посматривая на окно девушки. Но занавески на нём даже не пошевелились. Тогда парень стал на колени у самого окна и запел на ходу сочинённую серенаду:

Адолия, Адолия,
Умру я от безмолвия.
Ты выгляни в окошко,
Споём мы под гармошку.
Адолия, Адолия,
Скажи мне «да», любовь моя.

Занавеска и после этого не пошевелилась. Зато открылась входная дверь, и на пороге появился шляхтич Милош Курилович, который упёрся рукой в косяк и кашлянул:

– Ну-ка, разъясни мне, парень, что ты имел в виду, когда пел «скажи мне «да»?

– Пан Курилович, вы не про то «да» подумали. Я спрашивал Адолию о том, не соизволит ли она спеть вместе со мной под гармошку, и не более того.

– Молодой человек, из ваших уст слово «да» прозвучало неприличным намёком. Мы такие намёки не потерпим.

– Заверяю вас, что у меня к Адолии самые чистые помыслы, я хотел сказать, чувства.

– Значит, помыслы всё же есть. И я знаю, к чему они сейчас у молодёжи приводят.

– Отец, может, хватит над Мишей издеваться? Или ты думаешь, что он гармоней и этим многозначительным «да» может совратить невинную девушку? Ты что не веришь, что я могу устоять перед этим городским музыкантом? – Адолия юркнула под руку отца и оказалась возле парня, – давай,

Миша, споём романс.

Парень пробежался по кнопкам гармони, а потом запел приятным, мягким голосом известный старинный романс. Со второго куплета запела и Адолия, показав свой звонкий голос во всей красе.

После исполнения романса к девушке подошла мать, которая до этого стояла за спиной Милоша и обняла дочь.

– Мы против Миши ничего не имеем. Отец просто так шутит. Так что можете сходить на речку и полюбоваться закатом.

– Спасибо, мама.

Милош подпёр руками бока.

– Божена, я тебя не узнаю с твоими строгими нравами. Или ты их проявляешь только в отношении меня, говоря мне: то нельзя, на ту не смотри?

– Мужиков надо в строгости держать.

– Пойдём-ка в дом, дорогая, и подискутируем на эту тему, а молодёжь пусть гуляет, я не возражаю.

Через некоторое время Адолия в шерстяном цветном облегающем платье шла впереди парня по тропинке, ведущей к речке. Миша не отрывал взгляда от гибкой, стройной фигуры девушки и понимал, что многозначительное слово «да» он услышит от неё лишь после женитьбы. Адолия, дойдя до крутого обрыва, вдруг резко обернулась:

– Я хотела бы тебе сказать «да» прямо сейчас, но после этого я не смогу смотреть в глаза родителям.

– Адолия, я люблю тебя и готов ждать слияния наших тел до самой свадьбы.

– А разве такое возможно? Ты – музыкант. Тебе не сидится дома, ты мечтаешь о загранице, о поездках по городам. А я ведь другая. Я хочу выучиться на врача и жить в одном месте, лечить людей. Миша, я тебя тоже люблю, но я буду страдать от такой любви.

– Ради тебя я готов изменить свои планы. Но мне нужно время, чтобы закончить одно дело. Оно зависит не только от меня. В него втянуты и мои друзья.

– Ты говоришь загадками, я этого боюсь. Но я тоже готова тебя ждать всю жизнь и хранить тебе верность.

Миша обнял девушку и поцеловал её в губы.

– Жаль, что мы не имеем права на большее и не можем перешагнуть запретное.

– Ты приезжай в деревню почаще, тогда, быть может, я решусь послушаться родителей и своей совести и отдамся во власть души, которая жаждет любви и страсти, – на щеках девушки заиграл румянец.

– Любимая, а ты можешь под каким-либо предлогом приехать в город, и мы там продолжим разговор на эту тему? Возможно, ты захочешь остаться в Витебске. А почему бы тебе не поступить в консерваторию? Я уверен, что ты обладаешь музыкальными способностями. Ведь у тебя прекрасный голос.

– Я подумаю об этом. Но мои родители нацеливают меня

на Минск, где у них есть друзья.

– А может, мне тоже попробовать себя в Минске?

– Было бы здорово. Тогда мы точно были бы вместе.

– Я через день уезжаю в Витебск, но обещаю скоро вернуться и снова обсудить этот вопрос.

– Я буду ждать тебя.

Миша сел в пролётку, когда солнце коснулось горизонта. Удаляясь от дома Адолии, парень, обернувшись, ещё долго смотрел на девушку, стоящую на крыльце, и иногда махал ей рукой. Он знал, что его любимая сейчас плачет от того, что им пока, а возможно, никогда не суждено быть вместе. Миша теперь сожалел, что когда-то, имея на плечах горячую голову, вступил в тайный союз с целью достижения лучшей жизни в Российском государстве и особенно на его белорусской земле. Теперь уже поздно отступать. Он никогда не станет предателем и не оставит своих верных друзей. Но Адолию он будет любить всю свою жизнь, как бы ни складывалась его судьба. Миша, спускаясь в низинку, последний раз помахал девушке рукой и подумал: завтра он ей расскажет о своих делах и планах. Предложит ей уехать вместе с ним за границу, поскольку в условиях складывающейся ситуации в стране ему уже нет места в ней. Пусть Адолия сама решит, где её место, и с кем ей быть.

Солнце быстро опускалось за кромку леса. Теперь было отчётливо видно движение источника жизни на Земле. Миша посмотрел на темнеющее, но играющее ещё волнующими красками небо и подумал: жизнь стремительнее движения солнца. А есть ли кроме него другой источник для поддержания существования на Земле? Раньше он верил, что есть

высший разум в лице Бога. Но теперь в связи с происходящими в стране процессами и событиями, в связи с действиями власти, которая отреклась от Бога, такая вера пошатнулась. Но он всё равно верит, что на небесах есть божья справедливость и божья кара, и всем воздастся по их делам. Миша посмотрел на небо, перекрестился и произнёс:

– Господи, я грешный человек, но все мои помыслы и действия направлены на улучшение жизни в том месте, где ты определил мне жить. В этих местах, как и во всех остальных уголках необъятной страны, поселились горе, беда, над простым человеком проводят эксперименты, не считаясь с его достоинством и честью, с его желаниями и жизнью. Вожди, обещая обездоленному народу лучшую жизнь, используют его силу для прихода к власти. Но потом у правителей возникает первостепенная задача удержать эту власть, создав для этого карательный механизм, при этом не зная путей движения к процветающему обществу. Над народом опять начинают проводить опыты, отдаляя его от тебя, Господь, и обрекая на новые страдания. Господи, укажи вождям праведный путь, заставь их повернуться лицом к народу. Не допусти уничтожения таких людей, как мои родители и родители Адолии, которые своим добросовестным трудом создают блага для себя и общества. Покарай тех, кто использует своё положение в корыстных целях, кто к власти идёт по трупам людей. Господи, прошу тебя, загляни в наши места и устрой свой справедливый суд».

Миша посмотрел на последний затухающий луч солнца на западном небосклоне, взял гармонь, пробежался пальцами по кнопкам и запел:

Цыпленок жареный, цыпленок пареный,
Пошел по Невскому гулять.
Его поймали, арестовали,
Велели паспорт показать.
Паспорта нету – гони монету.
Монеты нет – снимай пиджак.
Паспорта нету – гони монету.
Монеты нет – снимай пиджак.
Я не советский, я не кадетский,
А я куриный комиссар.
Я не расстреливал
И не подписывал,
А только зернышки клевал.
Но власти строгие – козлы безрогие —
Его поймали, как в силки.
Его поймали, арестовали
И разорвали на куски.
Цыпленок жареный, цыпленок пареный,
Не смог им слова возразить.
Судьей задавленный, он был зажаренный.
Цыплятам тоже нужно жить!
Цыпленок жареный, цыпленок пареный,
Пошел по Невскому гулять.
Его поймали, арестовали,
Велели паспорт показать.

Я не советский, я не кадетский,
Не меньшевистский генерал.
Не агитировал, не аннексировал,
Я только зернышки клевал.

Миша сжал гармошку, посмотрел на запад и подумал:
как бы ни сложилась его судьба, он останется в родных ме-
стах со своим народом и с Адолией.

Конное дело Филиппа Конькова в связи с новой экономической политикой советской власти получило второе дыхание. Верховые лошади вновь стали пользоваться спросом у разного рода буржуйчиков, которые вдруг откуда ни возьмись появились, как грибы после дождя. Филипп стал разводить и верхово-упряжных лошадей, открыл на своём хуторе дело по изготовлению бричек, телег, пролёток, которые силами двух мастеров делались на заказ. Филиппу казалось, что настало счастливое время со стабильным будущим, и он не мог понять предостережение Степана Новикова о грозящих его семье неприятностях. В который раз он повторял себе: неужели у государства поднимется рука на его дело, такое нужное людям, которому он посвятил всю свою жизнь?

Стоял тёплый летний вечер. Филипп, обойдя два табуна лошадей, которые летом в ночное время содержались в загонах, огороженных толстыми жердями, вспомнил разговор с председателем поссовета и подумал: Степану, конечно, больше известно о планах власти на будущее. Но трудно поверить, чтобы оно проводило политику во вред себе. Он, как коневод и законопослушный добропорядочный гражданин своей страны, угрозу для власти не представляет, а наоборот, укрепляет её и тем самым укрепляет государственную экономику. Так зачем же власти таких, как он, уничто-

жать? Абсурд. Но Степан чепуху говорить не будет. Филипп почесал затылок и вошёл в дом. Семья была в полном сборе. Хозяин сел за стол и сказал:

– Всем нам надо посовещаться о дальнейшей жизни, поскольку опять начали ходить разные разговоры. Вася, ты у нас самый сведущий и разбирающийся в политике. Хотелось бы послушать твоё мнение.

– Я дяде Стёпе верю. Сейчас власть с нами заигрывает. На данном этапе мы нужны ей для того, чтобы вытянуть государство из экономической разрухи. И как только государство твёрдо станет на ноги, нас, как враждебный идеям социализма класс, пустят в расход. Об этом я разговаривал с Семёном и Мишей Захаровыми. Они полностью солидарны со мной. Поэтому я предлагаю с хутора съехать и по отдельности поселиться в деревне.

Филипп тяжело вздохнул.

– Я всё равно не могу поверить, что нас будут уничтожать, как классовых врагов. Но коль есть такая вероятность, будем расселяться, и завтра с выездом в деревню посмотрим, где нам лучше всего построить новые дома для вас. А меня вы простите, я со своими конями останусь на хуторе. И будь что будет. Если мои лошади погибнут, я погибну вместе с ними. А теперь всем спать, и больше ни слова, – Филипп сделал из газеты самокрутку, насыпал туда табака и вышел на улицу. По гладко выбритым щекам мужчины текли слёзы. Филипп сделал глубокую затяжку из самокрутки и, немно-

го успокоившись, подумал: жизнь пролетела, как мгновение. Но в этом мгновении были и прекрасные всплески счастья. Это любовь, рождение детей, первый самостоятельный объезд молодого жеребца, да и повседневная суета вокруг лошадей ему доставляла огромное удовольствие. Главное, что до сего дня беда, война их обходили стороной. Значит Бог заметил его заслуги и позволил жить с семьёй в счастливом здравии. К новому времени и порядкам он приспособливаться не будет. Теперь пусть дети волюются в молодое советское государство и построят вместе с ним своё счастье. И он своим детям для этого, что мог, то и дал. Перед Богом и семьёй он свою миссию выполнил. Филипп сделал ещё одну затяжку самокрутки, потушил её и, окинув взглядом свои владения, с успокоившейся душой вошёл в дом. Слёзы на щеках мужчины давно уже высохли.

Глава третья

1

Союз Советских Социалистических Республик шагал твёрдой поступью по дороге своей истории. Его руководство во главе с товарищем Сталиным решило окончательно ликвидировать богатых и даже средних крестьян как принципиально ненужных государству, как противоречащих социалистическим принципам государственного устройства.

Шёл 1930 год. Степан Новиков натянул вожжи, и лошадь остановилась как вкопанная. Председатель поселкового Совета легко соскочил с брички и вошёл в дом Филиппа Конькова. Хозяин хутора встретил гостя удивлённым взглядом.

– Нечасто в последнее время меня власть жалуёт. Очевидно, Степан, ты хочешь сказать мне что-то важное.

– Я в скором времени уезжаю в Витебск, где буду работать на новой должности. А это очень плохо для тебя, Филипп Павлович, поскольку ты лишаешься единственного своего защитника. Пока я был здесь, я, как мог, оттягивал твоё раскулачивание. На моё место придёт карьерист, который пышет ненавистью и злобой к кулакам. Поэтому я тебе в последний раз советую распродать своих лошадей и съехать с хутора. В противном случае тебя ждут репрессии с конфис-

кацией имущества и высылкой.

– Спасибо тебе за всё, Степан, но я уже давно принял для себя решение не покидать своего родного гнезда до последнего вздоха. И коней я за гроши колхозу продавать не буду. Тем более, что их сразу поставят под плуг, а мои лошади – верховые и не приспособлены для тяжёлой физической работы.

– Вижу, Филипп Павлович, уговоры ни мои, ни твоих детей на тебя не действуют. Ну, что же, у каждого своя судьба. Пусть хранит тебя Господь. Прощай.

Оставшись один, Филипп закурил самокрутку, вышел на улицу, окинул взглядом утопающую вдаль всю в зелени деревню и подумал: неужели крестьяне, многие из которых знают его с детства и которым он постоянно помогал, чем мог, поставят подписи под решением о его раскулачивании? И неужели власть поднимет руку на старика, который никому никогда ничего не делал плохого? Хотя всякое возможно, глядя на то, что творится кругом. А творится полнейшее безобразие. Крестьян насильно сгоняют в колхозы со всеми своими пожитками, которые становятся там общими, и заставляют работать на неизвестно кого, только не на себя. Нищие становятся ещё более нищими. У крепких хозяев забирают всё имущество и передают в нищие колхозы, но там оно пропивается или используется неэффективно, поскольку никто не хочет работать без достаточного стимула. В колхозах люди не чувствуют, что работают на себя. Филипп сде-

лал глубокую затяжку самокрутки и содрогнулся от мысли, что опять к людям пришла беда. Степан прав, надо по возможности распродать коней, но не в колхозы, а вырученные деньги раздать детям. А потом пусть будет, что будет. Быть может, Бог даст ему пережить и тридцатый год.

Новиков отъехал метров пятьдесят от дома Конькова, остановился и, посмотрев на хутор, подумал: не увидать ему больше коневода Филиппа, поскольку совсем скоро придёт к тому бригада односельчан с «красной косынкой» во главе и всё заберёт в свой колхоз. Сейчас, когда Советская власть крепко встала на ноги, сделать это не составит большого труда. Это не восемнадцатый год, когда волнения крестьян, вызванные недовольством действиями новой власти, усмиряли жёстко, с применением расстрелов. Тогда было трудное время. Советская власть нуждалась в своей армии и деньгах. Поэтому была объявлена насильственная мобилизация в Красную Армию граждан 1893—1898 годов рождения, основную массу которых составляли самые трудоспособные крестьяне. Также стал взиматься чрезвычайный налог, который ещё больше усугубил положение народа. Всё это происходило на фоне тотального контроля над производством и хранением сельскохозяйственной продукции и жёсткого обращения чекистов с населением, когда за самогоноварение человека могли расстрелять. Кроме этого земельный вопрос по-прежнему оставался до конца нерешённым. Всё это привело к массовому протесту крестьян с разным уровнем жизни.

Новиков ударил коня вожжами по бокам, ещё раз печально посмотрел на хутор и под скрип брички стал вспоминать то время. Тогда его, как активного члена коммунистической партии отправили в соседний район на подавление восстания контрреволюционных элементов, которые не только выдвигали лозунг «Долой Советы!», но и стали убивать представителей Советской власти на местах. С восставшими тоже не церемонились. Тем более, что их лидеры получали помощь из-за границы. Вскоре восстание крестьян было жестоко подавлено, и не успело затронуть родные места Новикова, где жили и трудились такие люди, как Коньковы и Захаровы, к которым он испытывал симпатию и, как мог, ограждал их от репрессий. На протяжении всей гражданской войны Новиков продолжал участвовать в борьбе с бандами, которые грабили крестьян и мешали установлению Советской власти на местах. «Теперь, – думал Новиков, – власть окрепла, но всё ещё боясь новых народных волнений, она решила окончательно расправиться с зажиточным крестьянством, как с классовым врагом, сослав его в глухие, отдалённые места страны, где планировала использовать ссыльных, как дешёвую рабочую силу для подъёма народного хозяйства.

Новиков ехал в поссовет, где ему через пару недель предстояло передать дела новому председателю, и понимал своей крестьянской душой, что что-то не то делается в стране Советов.

2

Миша Захаров стоял у окна съёмной квартиры в трёхэтажном витебском доме и играл на скрипке. Печальная мелодия, вылетающая из-под смычка, соответствовала состоянию его души. Парень чувствовал надвигающуюся трагедию в своей жизни, в жизни своей семьи и в жизни всей страны. В городе с новой силой начались репрессии, аресты неугодных советской власти людей. Миша перестал играть и повернулся.

– Нам надо уезжать из города. Завтра я дам последний урок музыки детям в известной тебе еврейской семье, после чего съездим в деревню попрощаться с родными, ну а потом – прощай, родина, для которой мы сделали всё возможное, чтобы народ в ней жил лучше. Но не всё в наших силах. Ты со мной?

– Дорогой, ты же знаешь, я без тебя жить не могу, – Адолия подошла к Мише и прижалась к нему всем телом, – я ради тебя переступила запретную черту, послушалась родителей, и в душе я считаю себя твоей женой.

– Мне жаль, что моя деятельность и положение, связанное с твоей безопасностью, не позволили нам стать мужем и женой официально. Но когда у нас появится такая возможность, мы обязательно обвенчаемся.

– Главное для меня – это взаимная любовь. Мне больше

ничего не нужно.

– Мы всё равно заведём полноценную семью с детишками и своим домом.

– Давай уедем на мою историческую родину в Польшу, там у меня есть родственники. Они нам помогут в первое время.

– Я об этом думал. Пожалуй, этот вариант на данном этапе самый подходящий, – Миша вновь заиграл печальную мелодию, – но если вдруг что-то со мной произойдёт, скажешь, что ты моя ученица, и эта скрипка твоя.

– Любимый, не говори так, с нами должно быть всё хорошо. Но если вдруг..., то знай, я больше никому не буду женой, – Адолия крепко поцеловала возлюбленного в губы.

В это время в дверь квартиры постучали. Миша открыл её и увидел трёх человек, один из которых сказал:

– Гражданин Захаров?

– Да.

– Собирайтесь, вы пойдёте с нами. Вы живёте один?

– В данный момент я даю уроки музыки этой девушке.

– Извинитесь перед ней. У вас одна минута.

Миша, войдя в комнату, улыбнулся.

– От судьбы не уйдёшь. Уроки продолжим потом, и, может быть, на небесах. Прощай.

Через минуту Миша Захаров исчез за дверью в сопровождении троих страшных мужчин, одетых в чёрное.

Адолия, ошеломленная, сразу не поняла, что произошло. Когда в её сознание стала проникать реальность, девушка без

чувств упала на диван. Очнувшись через некоторое время, она заметалась по комнате, не зная, что предпринять. Первое, что пришло ей в голову, – броситься к друзьям Миши с просьбой о помощи. Но потом, подумав, решила, что ей лучше самой разузнать, где находится её любимый человек.

Но только через два дня, наведя кое-какие справки и узнав, где находится Миша, Адолия зашла в мрачное заведение, в котором мрачный человек ей сказал, что Михаил Захаров осужден без права свиданий и переписки. У девушки опять подкосились ноги. Выйдя на улицу и глотнув свежего воздуха, она решила забрать свои вещи и скрипку, переданные на хранение хозяйке квартиры, а потом вернуться домой в деревню.

Ещё через два дня Адолия уже с прояснившимся сознанием предстала перед родителями и покаялась в своих грехах. Мать со слезами на глазах обняла дочку.

– Если бы я не знала, что такое настоящая любовь, я бы тебя не простила. А так, дорогая доченька, добро пожаловать домой.

Пан Милош, услышав слова жены о любви, тоже проследил за ней и нежно обнял своих любимых женщин.

– Пока к нам не пришли специальные злые люди, предлагаю, не откладывая, уехать в Минск. Там нас уже ждут друзья. Там, я думаю, не пропадём. С собой берём только самое необходимое и деньги.

Адолия вытерла слёзы.

– Я напрямки через кладку сбегаю к Захаровым, отдам им скрипку и расскажу про судьбу Миши.

– Кланяйся им от нас и передай, чтобы они как можно скорее предприняли действия для своего спасения, – пан Курилович перекрестился. – Господи, что творится на земле!

После ухода Адолии Захаровы собрались на семейный совет. Старшее поколение – Кондрат и Вера – сидели за столом, накрытым белоснежной скатертью. Семён и Клава разместились на лавке возле окна с накрахмаленными белыми занавесками. Самая младшая, Аня, которая за прошедшие годы не изменилась, стояла возле русской печки, с нетерпением ожидая, что скажет отец. Но поскольку его молчание затянулось, Анна вышла на середину комнаты и сказала:

– Все вы знаете мои способности предчувствовать беду. Я вам раньше говорила про Мишу, что его подстерегает опасность. Об этом я сказала и ему самому, но он не захотел даже говорить на эту тему. Я пыталась ему помочь, но он выбрал свой путь, и, тем не менее, в его гибели я виню и себя. Над нами вновь нависла беда. Но она скорее касается меня, чем вас. У нас сейчас есть два пути. Первый – немедленно всем съехать с хутора и раствориться среди крестьян. Второй – отправиться в ссылку и отдаться в руки судьбы, которая, как я предчувствую, будет и там в какой-то степени благосклонна к вам, но не ко мне. Вдали от родины меня ждёт смерть. Теперь я хотела бы послушать тебя, отец.

Кондрат встал и посмотрел в окно.

– Бегство с хутора и растворение, как ты говоришь, Аня, среди крестьян, грозит нам нищетой и унижением. Возмож-

но, для многих наше бедственное положение будет только в радость, но я не хочу остаток жизни прожить с протянутой рукой на глазах у односельчан. Лучше пусть нас ссылают во тьму тараканью, где мы не упадём на колени, а, напротив, зародим там новую достойную жизнь, пусть и не сразу. Ну а ты, дочка, всё уже решила для себя, как я понял. Хотелось бы узнать твои дальнейшие планы.

– Скрывать их не буду. В трёх километрах от нас есть известная вам деревня. В ней живёт отставной солдат царской армии и участник гражданской войны Игнат Ипатов. Он старше меня на пятнадцать лет. Но этот человек очень добрый и абсолютно без вредных привычек. Моё предчувствие подсказало мне, что этот израненный солдат будет моим спасителем в самый трудный момент моей жизни. Такой момент настал. Но не я сама обратилась к нему за помощью. Однажды он подошёл ко мне и сказал, что такое божественное создание, как я, не должно сгинуть в ссылке, и предложил мне стать хозяйкой в его доме в качестве или жены, или дочери, или друга. Я после нескольких встреч с ним согласилась стать его женой.

Мать посмотрела на дочку влажными глазами.

– Я представляла нашу жизнь, тем более твою, совсем по-другому. Казалось, что нас уже никто не тронет, и горе обойдёт нас стороной, ведь с момента совершения революции прошло более десяти лет. Но вышло иначе. Кому-то мы как кость поперёк горла. А почему бы тебе не уехать в город?

Ведь живет там друг, который в тебя влюблен.

– Зато я его не люблю, как и город. Мне судьбой дан завет жить и умереть здесь, в родных местах.

– В таком случае, – Кондрат подошёл к дочери, – заберёшь к Игнату, которого я знаю, как очень хорошего человека, самую лучшую корову, и денег тебе дадим. И живите с Богом. Может, Бог и нам поможет в дальних краях, – мужчина перекрестился, глядя на икону. Его примеру последовали и все остальные члены семьи Захаровых.

Через два дня после семейного совета Аня и Игнат под покровом ночи перевезли на лошади, запряжённой в телегу, в дом Ипатова приданое девушки, включающее в себя и пуховую перину. За телегой бодро преодолела путь и удистая корова.

А спустя ещё два дня председатель поселкового Совета зарегистрировал брак между молодожёнами.

В первую брачную ночь Анна, утонув в перине и положив голову на мощную грудь Игната, который чуть ли ни в два раза был выше молодой жены, всхлипнула.

– Я всей своей душой ощущаю, как ты меня сильно любишь. Твои нежные, страстные чувства передались и мне, и ты можешь быть уверен в том, что я тоже люблю тебя и буду тебе верной женой.

– Спасибо тебе, Аннушка, что дала возможность грубому солдату познать, что такое любовь, запах и объятия женского тела, твои поцелуи. Я знаю, что недолго мне осталось жить

на этом свете из-за слабого сердца, но за то время, что отмерил мне Бог, я сделаю всё, чтобы ты была счастлива.

Женщина ещё крепче прижалась к мужу и прошептала:

– Ты знаешь о моих способностях. Поэтому я тебе открою тайну твоей жизни: в ближайшие годы я не вижу её конца и со своей стороны сделаю всё возможное, чтобы его отдалить. И ты сам себе поможешь, если будешь думать только о жизни, забыв о смерти.

Филипп Павлович сидел за столом у окна, из которого открывался вид на поле с дорогой, уходящей к деревне. Хозяин хутора находился в напряжённом состоянии и, поджидая непрошенных гостей, поглядывал на икону и крестился, прося защиты для детей. Когда Филипп выкурил очередную самокрутку, вдали он увидел группу людей, среди которых мелькала красная косынка. «Вот и мой черёд настал», – подумал дед и пошёл на конюшню, в которой ещё оставалось несколько молодых лошадей, предназначенных для верховой езды. Филипп поцеловал каждую лошадь в морду и быстро вернулся в дом, поскольку не мог смотреть на животных, из глаз которых текли слёзы. Коньков вновь закурил. В это время без стука в дом вошла группа людей, которых Филипп хорошо знал и которым помогал продовольствием в трудные дни. Женщина в красной косынке дёрнула бровью.

– У нас есть решение совета бедноты, собрания крестьян деревень и постановление поссовета о раскулачивании тебя, Коньков Филипп Павлович. Поэтому ты без вещей немедленно должен покинуть дом и хутор. Всё твоё имущество вместе с конями переходит в собственность колхоза.

– А вы выделите ноги моих коней?

– Не поняла. Причём тут ноги коней?

– А притом, что они такие же тонкие, как у козочки. Луч-

ше пристрелите их, чтобы не мучились в бороздах за плугом.

– Нет, пусть лучше сдохнут в борозде, принеся пользу колхозу.

Один из мужчин взял икону и растоптал её и рявкнул:

– Итак, дед, у нас нет времени возиться с тобой. Давай на выход. А твои кони теперь наши. И мы с ними, что захотим, то и сделаем.

В мозгу Филиппа Павловича что-то щёлкнуло, и он больше не проронил ни слова, но услышал, как «красная косынка» сквозь зубы процедила:

– Мы не злодеи и даём тебе, дед, сутки, чтобы проститься с родными перед отправкой в ссылку.

В это время в дом вошёл сын Филиппа, Василий, который взял отца под руку и вывел его из дома.

Через три дня Филиппа Конькова везли в вагоне для скота на Урал. Дед, лёжа на грязной подстилке, думал: что происходит с людьми? Зачем его везут куда-то? Почему односельчане со злорадством его унижали и топтали икону божью? А видит ли это всё сам Господь Бог, и знает ли об этом товарищ Сталин?...

Захаровы сидели в доме за большим столом и в молчаливом напряжённом состоянии ждали своей участи. Они уже знали, что пришла очередь их раскулачивания. Чтобы как-то сгладить беду, хозяин хутора тайно передал ещё одну корову Гале Стрелковой, ей же дал денег и гармонь. Все драгоценные украшения, помещённые в алюминиевый контейнер, утопил в одном из заброшенных колодцев в надежде когда-нибудь вернуться и достать их оттуда. Кроме хозяина в доме находились его жена, их невестка Клавдия с двумя детьми – двухлетним Алексеем и двухмесячной Лидой. Семён был на улице и следил за дорогой. Через некоторое время он пришёл к собравшимся и спокойно кивнул головой.

– Едут на двух подводах. Давайте прощаться с домом. Дай Бог нам сюда вернуться, – Семён три раза перекрестился. Его примеру последовали все остальные, женщины при этом заголосили.

Кондрат стукнул кулаком по столу.

– Цыц, ещё не хватало, чтобы эти видели наши слёзы. Никакого унижения, никаких разговоров с людьми, государство которых сделало нас врагами. Уедем достойно, я уверен, с нашими мозгами и руками мы и на чужбине не пропадём.

Дверь в дом открылась, и в зал вошло пять человек. Один из мужчин сорвал со стены икону и, бросив её на пол, рас-

топтал ногой. Женщина в красной косынке сказала:

– Именем народа и советской власти вы подлежите раскулачиванию и высылке, как враги государства. Мы не злые и разрешаем вам взять по пятьсот рублей, еды на первое время и необходимую одежду. У вас полчаса времени.

Кондрат бережно поднял растоптанную икону и положил её на стол.

– Господи, прости этих заблудших людей, – хозяин хутора посмотрел на накрахмаленные белоснежные занавески на окнах, вымытый добела деревянный пол, на идеальный порядок в доме, потом в глаза красной косынке, – мы готовы. Вечером подоите коров, «хозяева».

Через час семью Захаровых везли на двух подводах в Витебск, чтобы потом вместе с другими раскулаченными отправить дальше в товарном поезде, предназначенном для перевозки скота.

Семён и Клавдия сидели на телеге, прижавшись друг к другу. На руках они держали своих детишек. Рядом лежала скрипка, завёрнутая в платок. Семён погладил по головке сына.

– Прости меня, Клава, что так сложилась твоя судьба. Может быть, не стоило тогда нам становиться братом и сестрой, а потом мужем и женой. Сейчас бы ты была под защитой советской власти.

– Не говори больше так никогда. Те годы взросления и годы совместной жизни с тобой были для меня самыми счастливыми.

ливыми, и их заряда хватит на всю мою оставшуюся жизнь. Поверь, я даже сегодня счастлива, потому что мы вместе, и дети сейчас с нами.

– Клава, я сделаю всё возможное для вас, чтобы вы и в ссылке не почувствовали себя униженными и обделёнными вниманием. Мы там останемся людьми с прекрасной душой. Рано или поздно всем воздастся по заслугам, но мы не будем думать о мщении. Мы выше этого, потому что счастливы несмотря ни на что.

– Дорогой, мы там, где нам найдут пристанище, должны выжить ради наших детей. Дать детям счастливое будущее – это главная цель нашей жизни.

– Ты права, любовь моя.

В Перми Захаровых пересадили на подводы и отправили на север вглубь тайги. Отъезжая от станции, они видели, как из вагонов выносили трупы людей, которые потом складывали в телеги, прикрывая их грязными тряпками. Кондрат перекрестился.

– Не приведи Господь умереть такой смертью.

– Они, отец, умерли от жажды, голода и болезней. За то долгое время, что мы ехали до Перми, нам на весь вагон только один раз дали немного хлеба и воды, и если бы не наши узелки с едой, то мы тоже имели бы плачевный вид. Скорей бы доехать до места.

Но прошло ещё несколько долгих дней пути по бескрайней тайге, прежде чем Захаровых привезли в леспромхоз, только что образованный на берегах слияния двух рек – Весляны и Чёрной. Их выгрузили возле здания конторы, из которой через некоторое время вышли двое мужчин. Один из них был высоким красивым русоволосым парнем лет тридцати, другой – пониже ростом, плотного телосложения, на вид лет сорока. Тот, кто постарше, сказал:

– Здравствуйте, я директор хозяйства, Шишков Пётр Васильевич. Я только что ознакомился с вашими документами и теперь знаю, кто вы и что вы лояльно относитесь к советской власти. С завтрашнего дня трудоспособные члены

семьи приступят к работе, то есть к валке леса – это для мужчин, и рубке суков – это для женщин. Брёвна будут связываться в плоты и сплавляться по рекам к потребителям. Проживать будете в бараке. Быт наладите сами. Хочу подчеркнуть, что карательная система у нас не такая жестокая, как в других местах, но бежать не советую: кругом тайга, пропадёте. И за вами будет наблюдать специальные люди – представители комендатуры, а точнее, милиционеры. О нормах выработки, о питании, об отдыхе мы поговорим позже. А сейчас наш сотрудник проведёт вас в барак.

Красивый мужчина, до этого пристально рассматривающий Клавдию, сделал шаг вперёд.

– Пётр Васильевич, подожди минутку, я хочу кое-что спросить у новоприбывших.

– У тебя, Иван, есть десять минут.

Парень подошёл к Семёну и Клавдии.

– А белорусы все такие красивые люди?

Клава улыбнулась, перекинула косу из-за спины на грудь и приподняла её конец чуть выше пояса.

– У белорусов особенно прекрасна душа, вот мы и кажемся всем красивыми.

– Я – Иван Кочев, директор одного из заводов в Перми. Сам из рабочих. А вы из каких будете?

– Мы – крестьяне, а жена моя из бедных крестьян. На родине у неё остались шесть сестёр и мать. Отец погиб, – Семён передал малышку Клаве, поскольку та начала хныкать.

– Так за что же вас сюда сослали?

– У нас было несколько коров и земля для их содержания.

Вот и приписали к врагам народа. Как видите, к врагам причислили и мою жену Клаву с детьми.

– Да, дела!

– Вы извините, Иван, но мне пора кормить малышку, – Клава приоткрыла сморщенное личико девочки, – вот видите, малышка ротиком просит молочка.

– А чем вы кормите её? – парень подошёл к малютке и улыбнулся.

– Как чем, конечно, своим молоком. Но я боюсь, что здесь от плохого питания оно пропадёт.

Иван посмотрел на Шишкова.

– Может быть, что-нибудь придумаем для вас. Правда, я завтра уезжаю в Пермь, но возможно, скоро вернусь, и тогда мы обсудим ваше новое положение.

В это время подошла симпатичная чёрноволосая девушка лет двадцати пяти, одетая в рабочую куртку и сапоги. Она строго посмотрела на ссыльных.

– Следуйте за мной.

Директор хозяйства, переговорив с Иваном, крикнул вдогонку:

– Атилия, выделите им в бараке правую сторону с отдельным входом и выдай занавески для перегородок. Матери с малышами выделите соломенный тюфяк. Пока всё, а там посмотрим.

Атилия, ни слова не сказав, махнула директору рукой.

Через некоторое время Захаровы оказались в длинном деревянном бараке, воздух в котором был пропитан запахом немытых тел, одежды, обуви и неизвестно чем ещё.

Атилия уткнулась носом в курточку.

– Не знаю почему, но вам повезло. Вы будете занимать самое сухое место в бараке, и по площади оно больше, чем у кого-либо. Можете его разбить занавесками на три комнатки. И на ужин вам что-то достанется. В порядке информации сообщая, что в бараке, рассчитанном на сорок человек, живут сто. Таких строений в посёлке четыре. Как устроитесь, сходите к представителю спецкомендатуры на беседу.

Клавдия, подкачивая малышку, улыбнулась.

– Спасибо, Атилия. Вот тебе немного денег. Мы не курим и не пьём спиртного, а на еду на первое время нам хватит.

Атилия покачала головой.

– Рано вы меня благодарите. Скоро вы все здесь закурите, поскольку только курящим положен небольшой перерыв в работе, которая длится от темна до темна. И мыла у нас нет. Даже не знаю, как ты будешь мыть свою косу. Я бы на твоём месте её обрезала. Хотя жаль избавляться от такой красоты, поэтому можешь мыть её древесной золой. Говорят, это даже лучше мыла. Вот такие у нас дела, – Атилия пошла на выход, – да, забыла сказать: берегите здоровье, у нас нет врача и лекарств, и люди у нас часто умирают. Хотя есть и перспектива построить себе дом. Скоро на эти цели будут выделять-

ся земельные участки. А деньги никогда лишними не бывают. Они ещё вам пригодятся, чтобы выжить.

Оставшись одни, Захаровы принялись за благоустройство своего жилья. Семён постучал рукой по стенам, потопал ногами по полу, оценивающе посмотрел на потолок, на деревянные настилы для сна.

– Не рай, но и не ад. Будем жить, работать, построим дом, заведём хозяйство, и Бог нас не оставит.

Филиппу Конькову повезло меньше. До места назначения, которое также находилось в глубине уральской тайги, ему пришлось вместе с другими ссыльными идти пешком, испытывая голод и жажду. Некоторые из несчастных умирали прямо на дороге. Это были в основном старики старше семидесяти лет. Их тела закапывали в лесу. Люди, глядя на это, крестились и шли дальше. Дойдя до места, всех пересчитали и бросили в барак на голые доски с подушками из соломы, не дав ни еды, ни воды. Только на следующий день спецпереселенцам выдали скудные пайки и разрешили доступ к воде. А потом началась изнурительная работа по заготовке древесины по норме три кубометра на человека.

К концу первого дня Филипп не мог от бессилия уже держать топор в руках. И только тогда, когда начало темнеть, надсмотрщик объявил о конце работы. Смертельно уставшие мужчины вернулись в барак и, быстро доев пайки, рухнули на лежанки. Коньков тоже лёг на доски, но свою подушку положил под ноги. Увидев это, сосед, мужчина неопределённого возраста по имени Толя, спросил:

– Ты, наверное, Филипп, свои ноги жалеешь больше, чем голову?

– Дурная голова должна страдать. Совсем недавно она не послушала советов умных людей, и вот теперь я здесь.

– Наши головы не причём. А дело сам знаешь в ком и в чём. Мне жаль наш простой народ, которому уготован путь в страданиях и унижениях.

– Я думаю, что сейчас вслух об этом не стоит говорить, если хочешь выжить. Кругом полно доносчиков. Ты ещё молодой, и у тебя есть шанс увидеть свет в жизни.

– Но ты сегодня на работе не стеснялся в выражениях.

– Я своё пожил и дальше не собираюсь быть рабом и страдать от несправедливости и унижений. Я хочу умереть в той, прежней жизни, и думаю, что Бог скоро меня к себе призовёт. Ты, Толя, из наших мест, поэтому я попрошу тебя, если доведётся попасть на родину, найди моих детей, жену и передай им, что я всю свою жизнь гордился ими и что смерти я не боялся, поскольку в жизни делал людям только добро, жил только по божьим заповедям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.